

Хехцирские вечера

Хехцир вошел в мое сердце с детства. В поселке со странным и загадочным названием жила старшая сестра моей бабушки. Нередко мы наведывались к ней в небольшой уютный домик. Сестре бабушки давно перевалило за семьдесят, и для меня, десятилетней девчонки, возраст этот казался недосягаемо старческим.

Баба Степанида родилась в весьма примечательный для нашей страны день – 7 ноября и к тому же была ровесницей прошлого теперь XX века. Помню, что совпадение это никак не радовало и не огорчало бабу (именно так ее все и звали). Небольшого роста, с неизменной палкой-клюкой, носила она одно и то же одеяние зимой и летом. Длинная темная юбка (и не одна), сверху выдавший виды такого же цвета фартук, неизменный платок в мелкий цветочек и на ногах – чуни – то, что осталось от валенок. Лица, испещренного морщинами, отчетливо не помню, а вижу беззубую, как у младенца, улыбку и крупные фары-очки на веревочке для страховки.

Речь бабы Степаниды представляла собой старомодно-безумную смесь из украинских и старорусских слов. «Хведя» произносилось вместо Федя, «конфекты» были конфетами...

Шестилетней девочкой привезли ее девочкой на Дальний Восток. Но на всю жизнь остались воспоминания о «гарных садах-огородах» Стольного, что на Черниговщине, и о всякой всячине из жизни зажиточного украинского села.

Маленький домик бабы находился на краю железнодорожного поселка. Стоял он у леса, на Лесной улице. Сумерки подступали неожиданно и сразу, заливая низенькие окна синим теплым светом июля. Сырым таежным духом тянуло из темнеющего леса.

...Между рамами бьется невесть как залетевшая шальная муха. Сени с чуланом, кухня и комната – вот и вся планировка небольшого дома. В комнате – в красном углу – иконостас. Лики строгих богов смотрят прямо в душу. Баба Степанида среди родственников - единственная, кто не обрывает своей веры в Бога. Это всегда воспринималось естественно. Ведь она пришла из почти доисторических времен, из далекого прошлого.

«Неужели старая сморщенная бабушка выглядела по-другому? Была девочкой, женщиной, выходила замуж?» – иногда приходило на ум. Из разговоров поняла, что баба Степанида нигде не работала. Она так и не вписалась в новый строй: всю жизнь занималась своим хозяйством, а излишки продавала – тем и жила.

... Тикают настенные часы, потрескивает лампадка, разговор неспешной рекой льется. Бабушка между делом готовит нехитрый ужин. Картошка в мундире, пахнущий плесенью хлеб, чай с мятой. Иногда варился зеленый борщ, лепились вареники с картошкой или ягодой.

- Баба, - спрашиваю я, - нагладевшись в черное окно, - а ты не боишься разбойников?
- Не боюсь.

- А если они все-таки прибегут из леса?
- Ну и что. Посмотри, какие у меня крепкие засовы.

Проверяю. Действительно крепкие. Но не унимаюсь.

- А что, если они в форточку полезут?
- Ха-ха! – смеется баба и становится похожа на лягушку, зубов у нее нет совсем. – Форточка-то маленькая, а разбойники ведь здоровенные – во, какие!
- Вот смотри, - неожиданно продолжает свою тему баба Степанида, - если страшно станет – есть топорик на это.

Я не представляла, как мне, девчонке, на пару с бабушкой удастся отмахнуться от страшного ночного разбойника, но уважительно смотрела на древнее орудие защиты. Значит, действительно бояться нечего и можно спокойно отправляться спать.

Сквозь сон слышу гул мчащегося поезда, громыхающего на стыках. Баба подходит к часам и подводит их – опять опаздывают. Давно время сверяет она по расписанию поездов.

... И льется через край поток воспоминаний и разных историй. Кажется, вечность живет на Хехцире, и седая старина его взгорий и распадков виной неспешному изобилию рассказов.

«Это мой старшенький, Хведя», - скажет баба Степанида, показывая на одну из настенных фотографий. Она всегда говорит о нем с любовью и нежностью. Федя прожил недолгую, но полную забот жизнь. Страсть к учению была такая, что за десять километров ходил он в школу. Опора и кормилец большой семьи, умер от воспаления легких. Он простудился, собирая в воде голубицу, едва ему исполнилось четырнадцать.

Бесконечные вечера – журчание хехцирских родников, бесшумная походка лесного зверья в сумерках на водопой. Люблю вспоминать, будто пить сумеречный таинственный дух Хехцира, или есть немного черствый хлеб, полив его растительным маслом и слегка присыпав солью...

Синие-синие горы имени нанайского героя Хехцира, загадочного и непобедимого. А тропы Хехцира – нашего доброго таежного соседа – до сих пор манят меня своими тайнами и загадками. И когда я прогуливаюсь по замечательной набережной Хабаровска, всматриваюсь вдаль, чтобы увидеть синеющую полосу, узнаю очертания сопки Двух братьев – малого и большого, то непременно вспоминаю домик Степаниды на краю лесного поселка и чувствую дух Хехцира – живой и неистребимый. Он плывет из глубины детства в сердце и остается со мной навсегда.